

Флоря А. В.

Краткое вступление к «Юлию Цезарю»

Признаться, из классических трагедий Шекспира «Юлий Цезарь» меня привлекал меньше всего. Там мало психологии, зато много политической риторики – это не очень вдохновляет переводчика. А. А. Аникст назвал «Юлия Цезаря» “самой шиллеровской” пьесой Шекспира, и мы понимаем, какой это двусмысленный комплимент.

Да еще какой-то странный заглавный герой, которого не назовешь главным: появляется на сцене четыре раза, причем в последний раз уже в виде призрака. А его пятое появление – тоже в виде призрака – вообще не показано, об этом лишь упоминают проходя. Он почти буквально *сходит на нет*. Убивают его в III акте, еще в первой половине пьесы – его даже действующим лицом назвать трудно, это, скорее, бездействующее лицо. Ничего нет в нем от великого, «божественного» Цезаря – об этом только очень много говорят: и сам Цезарь, и остальные, причем гораздо чаще, чем он. Все очень серьезно свидетельствуют об этом великом Цезаре, его по-настоящему боятся, у нас нет оснований сомневаться и в величии Цезаря, и в исходящей от него опасности – но мы ничего подобного не видим. Всё «слова, слова, слова». Прошу прощения за тривиальную цитату, но в данном случае она действительно уместна.

Я взялся за перевод «Юлия Цезаря» уже после всех других трагедий Шекспира – и получил редкое удовольствие, хотя и прежде работал с энтузиазмом и увлечением. Перебрав сцену за сценой, я убедился, что, при всей своей простоте, даже незатейливости, это очень умная и хорошо построенная пьеса, с точно выраженными глубокими мыслями. И, пожалуй, основная задача переводчика – вчитываться в шекспировский текст, извлекать основной смысл и заострять его, подавать крупным планом – освобождать его от мешающих наслоений, помогать шекспировскому слову не потеряться.

Я решил идти к этой пьесе не от Шиллера, а от Метерлинка – создать подобие «театра теней». Главный герой трагедии – дух Цезаря. (Кстати, оказалось, что и живой Цезарь – вовсе не бесцветный персонаж, а, напротив, очень колоритный. Он совсем не действует и говорит очень мало, но характер очерчен.) Дух Цезаря пронизывает всё и всё определяет. Пьеса о химерах, фантомах, подчиняющих себе реальность. (В контексте сегодняшнего времени – пьеса о манипуляции массовым сознанием. Монолог Антония перед плебеями, особенно в исполнении М. Брандо, – просто идеальное учебное пособие по манипуляции.)

Чтобы явно проступил этот смысл призраков, властвующих над действительностью, я постарался насытить пьесу тенями, призраками, духами – ничего не придумывая: иногда у Шекспира было нечто подобное, иногда контекст позволял. Так, уже в первой сцене сенатор Марулл спрашивает простолюдинов:

Хотите радоваться? А чему?
Быть может, тени прошлого величья?

Затем Брут говорит Кассию:

Смотри: они на призраков похожи!
Сам Цезарь хмур. Кальпурния бела.
Как у хорька, глаза у Цицерона...

Далее – в сцене на форуме из III акта: «По духу Марк Антоний выше всех». Умиравший Брут восклицает: «Дух Цезаря, ты удовлетворен?» (у Шекспира: “Caesar, now be still:”) и даже Антоний говорит о Бруте: «Вот настоящий образ Человека» (что соответствует знаменитому “This was a man!”), т. е. не живой, реальный человек, а опять-таки дух, идеал, эйдос.

При такой трактовке многие вещи видятся уже в ином свете. Например, страшная грозовая ночь – это не просто драматический эффект: природа вопиет

против будущего цареубийства. Скорее наоборот: ночь и буря, со всеми страшными видениями – это эманация все того же духа Цезаря.

КАСКА

И что за блажь – так искушать судьбу?
Послали боги нам предупрежденья,
Которые должны мы воспринять
И раболепно, и благоговейно.

КАССИЙ

Как ты убог! Понять я не могу:
Не то лишен ты воодушевленья,
Не то его скрываешь ото всех.
Увидел нечто странное – и сразу
Готов уж раболепно трепетать.
А иногда и думать не мешает.
Когда блуждают духи и огни,
Когда животные своей натуре
Не следуют, глупеют старики
(Что, если вдуматься, не так уж странно),
Младенцы начинают прорицать,
Когда меняет всё свою природу,
Вполне естественно предположить:
Все образы чудовищные эти –
Прямые указания небес,
Что вывихнуто наше государство.
А если эти ужасы сложить,
Они напоминают человека,
Похожего на грозовую ночь:
Он молниями бьет и громыхает,
Тревожит тени мертвецов, рычит,
Как лев capitoлийский. Он не выше,
Чем ты и я, однако вырос так,
Что стал страшнее всех ночных кошмаров.

КАСКА

Догадываюсь, как я ни убог,
Что это Цезарь.

КАССИЙ

Может быть, и Цезарь.
Существенней другое: сила, стать
У нас такие же, как и у предков.
Но умер в нас великий дух отцов.

Это и метафора «ночи тирании», которая надвигается на Рим, и образ извращения народного духа.

И монолог Антония перед римским народом я попытался показать как «сеанс материализации духов»: дух Цезаря пробуждается «заклинаниями» Антония, восстает и овладевает толпой, вселяясь даже в самого последнего плебея.

Итак, понятно, что в трагедии сталкиваются не люди, а души. Но что это означает в более определенном смысле? Можно сказать, что противостояние Цезаря и Брута – конфликт двух маний: величия и совершенства. Но это самая приблизительная схема. В действительности она сложнее. Что такое дух Цезаря? Это не просто дух властолюбия. Это дух человеческого *несовершенства*. Еще не убитый Цезарь – олицетворение всех слабостей и пороков: крупных и ничтожных, от мании величия до мелкого «домостроевского» деспотизма, капризности, потакания всем своим слабостям и похотям. Повторяю: роль небольшая и, как будто, не выигрышная, а на самом деле – напротив: самыми простыми, лаконичными средствами создан блестящий образ титанического несовершенства и ничтожества. И, чтобы властвовать, Цезарь позволяет своим подданным быть плохими (а вернее, «плохонькими»: гаденькими, подленькими, дрянненькими, т. е. мелкими, убогими прежде всего, а потом уж какими угодно). Более того – он этого *требует* от них. Брут требует противоположного: чтобы они были гражданами, высокими, достойными людьми. Так что понятно, за кем они пойдут.

Дух Цезаря вселяется не только в цезарианцев (прежде всего Антония и Октавия), не только в плебеев («да, мы сами – люди маленькие, но Цезарь возвышает нас»), но и в республиканцев. Вот, например, как погибает Кассий:

CASSIUS

Come hither, sirrah:
In Parthia did I take thee prisoner;
And then I swore thee, saving of thy life,
That whatsoever I did bid thee do,
Thou shouldst attempt it. Come now, keep thine oath;
Now be a freeman: and with this good sword,
That ran through Caesar's bowels, search this bosom.
Stand not to answer: here, take thou the hilts;
And, when my face is cover'd, as 'tis now,
Guide thou the sword.

PINDARUS stabs him

Caesar, thou art revenged,
Even with the sword that kill'd thee.

Dies

PINDARUS

So, I am free; yet would not so have been,
Durst I have done my will. O Cassius,
Far from this country Pindarus shall run,
Where never Roman shall take note of him.

В переводе:

КАССИЙ

Подойди.
Взял в плен тебя я в Парфии. Спасенный
От смерти, ты поклялся мне тогда,
Всё, что тебе я прикажу, исполнить.
Исполни это – и свободен будь.
Вот меч, и не простой: он тем прославлен
Что Цезаря пронзил. И вот сейчас
Он поразит меня. Лицо закрою –
Уже закрыл. Теперь смелее бей!

ПИНДАР ударяет его.

Ликуй же, Цезарь. Меч, тебя убивший,
Убийцу твоего и покарал.

Умирает.

ПИНДАР

Эх, Кассий, Кассий! Вот твоя свобода!
Да только что в ней радости, когда
Она получена такой ценою!
Всё кончено, уходит Пиндар прочь.
Ноги его не будет больше в Риме.

Вот она – зловещая ирония судьбы. Кассий мечтал дать свободу всему Риму, а в итоге освободил лишь одного раба, и то – высокомерно и безжалостно надругавшись над его душой, сделав его убийцей (т. е. накануне освобождения Кассий сделал рабскую зависимость Пиндара максимальной). Купленная такой ценой свобода стала Пиндару ненавистной. Дух Цезаря восторжествовал снова.

Несколько замечаний о последних словах пьесы.

ANTONY

This was the noblest Roman of them all:
All the conspirators save only he
Did that they did in envy of great Caesar;
He only, in a general honest thought
And common good to all, made one of them.
His life was gentle, and the elements
So mix'd in him that Nature might stand up
And say to all the world "This was a man!"

OCTAVIUS

According to his virtue let us use him,
With all respect and rites of burial.
Within my tent his bones to-night shall lie,
Most like a soldier, order'd honourably.
So call the field to rest; and let's away,
To part the glories of this happy day.

Приведу наиболее известный вариант – М. Зенкевича:

Антоний

Он римлянин был самый благородный
Все заговорщики, кроме него,
Из зависти лишь Цезаря убили,
А он один – из честных побуждений,
Из ревности к общественному благу.
Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нем соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человеком был!»

Октавий

За эту доблесть мы его как должно,
Торжественно и пышно похороним,
Положим прах его в моей палатке,
Все воинские почести отдав.
Войска на отдых! И пойдем скорее
Делить счастливейшего дня трофеи.

Итак, благородство Брута признают даже его враги, причем, старший и более опытный Антоний проявляет больше пафоса, хотя следовало ожидать обратного. Но и Октавий отдает должное погибшему герою.

В своем переводе я дал несколько иную нюансировку:

АНТОНИЙ

Из заговорщиков лишь Брут был честен.
Других толкнули зависть и корысть,
Его подвигла мысль об общем деле
На этот роковой, прискорбный шаг.
Но смерть его достойна подражания,
И в жизни он прекрасен был во всем.
В нем так слились природные начала,
Как будто бы Натура изрекла:
«Вот достоверный образ человека».

ОКТАВИЙ

И мы ему достойно воздадим.
Внести покойного в мою палатку,
Пусть там лежит до самого утра
В великолепном боевом убранстве.

(Антонию)
Солдатам всем его почтить веля,
А мы оценим, что приобрели.

Напомню, что именно Антоний стал основным виновником гибели Брута: именно он своей гениальной речью пробудил гражданскую войну. Это он, так сказать, «съел» Брута – и сейчас проливает крокодиловы слезы. В то же время, широкая и сложная душа Антония пребывает во власти противоречивых чувств. В этот момент он растроган вполне искренне. К словам, которые есть у Шекспира: «И в жизни он прекрасен был во всем», я добавил фразу, естественную в данных обстоятельствах: «смерть его достойна подражания» – именно это и произошло потом с Антонием: здесь, на вершине своего торжества, он словно провидит свою гибель. А вот Октавий не сентиментален. Из приличия он произносит «положенные», «ритуальные» слова, велит оказать почет покойному, но занимает Октавия другое. Во-первых, хотя он формально равен Антонию, уже здесь он начинает косвенно изъявлять претензии на главенствующее положение: он отдает приказ солдатам. Во-вторых, он приказывает и Антонию. Здесь я сделал микроскопическое дополнение: ремарки «Антонию» в оригинале нет. Может даже сложиться впечатление, что в оригинале вся реплика Октавия по своему содержанию публична: он не скрывает от армии, что они с Антонием будут делить трофеи. Обращенные к одному Антонию, последние слова приобретают циничный оттенок: пусть это стадо рыдает (по нашему приказу) над последним римским гражданином – читай: оплакивает свою свободу, – а мы с тобой пойдем делить власть над миром. (И уже подразумевается, кто из них надеется на львиную долю.)

Вот всё основное, что я хотел сказать о своем прочтении трагедии. Остальное она скажет сама.